

Екатерина Мосина

Теория совпадений!

Екатерина Мосина

Теория совпадений!

<https://litres.ru/74078574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанр

Современная психологическая проза / Семейная сага с элементами философской притчи.

Осень 2020 года. Две семьи — Августюши и Ксенофонта, Августы и Фёдора — случайно знакомятся через совпадение имен. Оба пережили переезд, пандемию и гнетущее одиночество в «новой жизни». На фоне хрустящей листвы, детского смеха и аромата чая с корицей начинается их общая история.

«Теория совпадений» — это не просто повесть о дружбе. Это философское исследование того, как из хаоса желаний и тоски по «своим» рождается высший порядок — резонанс родственных душ. Герои проходят путь от осторожного «а что, если?» через субботники, ночевки, яхты и горы к осознанию: «Мы — навсегда».

Сквозь бытовые зарисовки, детские проказы и взрослые разговоры, эта книга мягко напоминает: любовь и дружба не имеют возрастных ограничений. Они приходят как приглашение — и требуют лишь одного: решимости открыться. Для всех, кто верит, что случайности не случайны, и ищет тепло в этом мире.

Содержание

Глава 1: Энтропия желаний	4
Глава 2: Неслучайная случайность	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Мосина

Теория совпадений!

В классической физике энтропия — мера хаоса. Но в системе «человеческая жизнь» всё наоборот. Высокая энтропия — это неразбериха из одиночества, тоски по «своим» и несбывшихся мечт. А чудесным образом, именно эта внутренняя энтропия, достигнув пика, ищет выхода. Ищет резонанса. Стремится к порядку — к теплу родственной души. Всё начинается с желания. А желание, как известно, имеет свойство сбываться.

Глава 1: Энтропия желаний

(За скобками - от автора: Это название отражает научно-философский оттенок («теория», «энтропия»), сохраняя интригу и намекая на то, что за случайностями стоит некий глубинный порядок или закономерность, ведущая к дружбе.)

Часть 1: Августюша и Ксенофонт. Шепот в тишине.

Осень 2020 года легла на город хрустящей листвой и странной, непривычной тишиной. Пик пандемии миновал, оставив после себя невидимые, но ощутимые шрамы — привычку вздрагивать от кашля в метро, оценивающие взгляды на социальную дистанцию и глухую стену между людьми.

Мир сжался до размеров квартиры.

Августюша стояла у окна, наблюдая, как ветер гоняет по пустынному двору одинокий полиэтиленовый пакет. Её мир тоже казался сжатым, хоть и переехали они сюда, на юг, за новой жизнью. Жизнь вышла иной: работа Ксенофонта, начальная школа Радаслава, её проекты на фрилансе... и тишина. Гулкая, квартирная тишина, которую не могли заполнить даже звонкие голоса сына и мужа. Не хватало фона. Фона дружеских голосов, смеха на кухне до полуночи, того ощущения, что ты не один в своей вселенной. Всего того, что было там на холодном Севере, тепла от дружеских и семейных сердец, что бьются в унисон.

— Августюш, ну я же тебе говорил! — раздался за её спиной голос Ксенофонта. Он вошёл в гостиную с телефоном в руке, его лицо озарял азарт первооткрывателя.

Он протянул ей телефон, где в мессенджере был открыт профиль. «Федор и Августа» и фото: двое улыбающихся взрослых и две девочки.

— Смотри. Фёдор. Его жена — Августа.

— Ксюня, милый, ... Представляешь? Совпадение? – с восторгом заявила Августюша!

— Это просто имя. Таких тысяч... Августюша, милая...

— вздохнул, едва взглянув на экран Ксенофонт.

— Не просто! — перебила она с жаром. — Это знак. Только хорошего, душевного человека назовут так же, как твою супругу! Это же неспроста. И дети, смотри: девочки, шесть и десять. Нашему Радаславу восемь. Идеально. Они тоже переехали, тоже ищут круг дружбы.

Она говорила о «круге», как о геометрической фигуре, необходимой для завершения картины их благополучия. Ксенофонт был инженером по духу. Хаос одиночества он воспринимал как неисправную схему, которую нужно починить, найдя правильные компоненты — друзей. Его желание было прямым, как луч лазера: социализироваться, обустроить быт, создать безопасную и весёлую среду для сына.

Желание Августюши было другим. Не схемой, а тёплым, туманным облаком. Ей хотелось не «круга», а **резонанса**. Чтобы кто-то понял её полунамёк, разделил не только праздник, но и тихую усталость вторника, прочитал ту же книгу и захотел её обсудить. Он боялся, что за громким именем «Августа» скроется совершенно чужая женщина (отличная по темпераменту от его супруги), люди, с которыми придётся годами поддерживать вежливый, иссякающий мини-диалог. «А что, если нам будет не о чем говорить?» — этот вопрос висел в воздухе его молчания.

— Они приглашают в гости, на чай, — сказал Ксенофонт, сдаваясь под напором её уверенности и подспудной, соб-

ственной тоски, уже набирая ответ. — В субботу. Я подтвержу?

Августюша посмотрела на пакет за окном, бесцельно круживший по асфальту.

— Хорошо, — уверенно кивнула она.

— Но только без ожиданий, ладно? Просто познакомимся. — сказал твердо Ксения.

Часть 2: Августа и Фёдор. Мир в аквариуме.

Их дом действительно напоминал уютный, самодостаточный «аквариум». Здесь был свой ритм, свой климат, свои «кораллы» из книг и музыки. Августа, расставляя чашки на поднос к приходу гостей, чувствовала лёгкий трепет. Не столько от предвкушения, сколько от вторжения.

— Федя, ты уверен, что они не «те» самые? — спросила она, поправляя очки. — Которые потом каждые выходные будут причинять добро своим утомительным присутствием с вежливым, иссякающим мини-диалогом?

Фёдор, сидя на диване с укулеле в руках (Марфа забросила его на неделю в пользу химических опытов), мягко улыбнулся. Его спокойствие было фундаментом их дома.

— Августь, родная, мы же просто чай попьём. Посмотрим. Детям, может, весело будет. Юлька уже спрашивает про этого мальчика, Радаслава.

Он не гнал прочь её осторожность. Они вдвоём выстроили этот мир после переезда из столицы, и каждая новая деталь в нём проходила тщательный отбор. Дружба — самая сложная и рискованная деталь.

Марфа, проходя мимо на кухню за яблоком, философски заметила:

— Мам, если твоя тетка окажется скучной, я просто пойду читать. А Юльке с мальчиком в любом случае будет чем заняться. У них энергетический уровень сопоставимый.

Августа рассмеялась. Десятилетняя дочь, формулирующая мысли как научный отчёт, была её гордостью и загадкой. Она поймала себя на мысли, что именно в такие моменты и хотелось бы иметь рядом кого-то, кто оценил бы эту реплику, понял, отчего смешно и трогательно одновременно.

Пока Августа нарезала торт, её взгляд упал на старую фотографию в рамке на полке. Они с Фёдором, молодые, ветреные, на палубе яхты. Он — в том самом свитере, грубом, с высоким воротником, как у моряков дальнего плавания.

«У меня тогда было две мечты, — пронеслось в голове воспоминание. — Влюбиться в моряка и уехать далеко-далеко от дома. И вот он появляется — не моряк, а студент-физик, но в СВИТЕРЕ... И смотрит так, будто я — разгадка ко всей его теории».

Это была их история, их «неслучайная случайность». Фёдор часто говорил, что энтропия её желаний в тот момент была так высока, что создала гравитационное поле, притянувшее его. Они нашли друг друга в хаосе молодости. А теперь... Теперь хаос был иным. Хаос взрослой жизни с её рутинной, заботами, вызовами. И тайное, невысказанное желание Августы (и, она подозревала, Фёдора тоже) было не в том, чтобы найти «друзей для детей» или «приятную пару для выходных». А в том, чтобы **найти тех, кто увидит и примет их «аквариум» таким, какой он есть.** И кому они захотят открыть дверцу.

Часть 3: Сходящиеся миры.

В тот вечер, когда Августюша мыла посуду, глядя на тёмное окно, а Августа проверяла уроки у Марфы, их мысли, сами того не ведая, рисовали почти идентичные картины.

«А что, если мы будем смеяться над одним и тем же?» — думала Августюша, и в её воображении возникал образ незнакомой женщины, которая вместо вежливой улыбки

фыркнет над той же шуткой в фильме.

«А что, если им тоже нравится книги больше, чем кино?» — размышляла Августа, вспоминая, как давно они с Фёдором не ходили на концерт вдвоём, потому что не с кем было оставить детей.

Ксенофонт строил планы: «Надо будет съездить на море вместе весной, у них же, наверное, машина есть». Фёдор в это время настраивал укулеле, думая: «Интересно, он, Ксенофонт, технарь? Может, общий язык найдём».

Дети спали в своих комнатах. Радаслав видел во сне футбольные матчи с каким-то абстрактным «другом». Юлиана шептала во сне что-то о новой настольной игре. Марфа засыпала с укулеле под подушкой.

Два семейных космоса, каждый со своей гравитацией, температурой и орбитами, медленно, по воле случая и настойчивости одного инженера, начинали сближение. Их внутренняя энтропия — клубящаяся тоска по «своим», несформулированная жажда связи — достигла критической точки. Она искала выхода. Искала превращения.

Завтра будет суббота. Завтра две Августы встретятся на пороге. Но уже сегодня, в тишине осеннего вечера, их миры, ещё не зная друг друга, начали излучать едва уловимые, одинаковые частоты. Частоты желания, чтобы случайность перестала быть случайной. Чтобы хаос обрёл форму дружбы.

В тот вечер, каждый в своём доме, они думали об одном и том же, но разными словами. О случайности, которая не ощущалась случайной. О параллельных прямых, которые внезапно оказались сплетенными. О первом, едва уловимом дуновении чего-то нового – **дружбы, которая только-только позволила им почувствовать свой запах, смешанный с ароматом изумрудных кексов и вечерней травы.**

Они еще не знали, что этот день станет точкой отсчета. Что они только что, сами того не осознавая, зажгли ту самую свечу новой дружбы в предгорье их общей жизни. Маленькую, дрожащую, но уже не одинокую.

Она только начала гореть.

Глава 2: Неслучайная случайность

Августюша натягивала на Радаслава куртку, поправляя воротник, который вечно заминался, с одной стороны.

— Спокойно, всё хорошо. — сказала она, больше убеждая себя, чем сына. Радаслав, весь собранный в пружину ожидания нового, кивал, не слушая.

Дорога до их дома — двухэтажного коттеджа с мансардными окнами и виноградной лозой у забора — заняла около часа. Каждая минута по приезду наполнялась комментариями Августюши («Смотри, какой участок ухоженный, сразу видно — рука хозяйки!») и молчаливым напряжением Ксенофонта. Она разглядывала фасад, пытаясь угадать характер обитателей по деталям: качели на веранде (дети активные), глиняный горшок с сухоцветами вместо ярких петуний (вкус, сдержанная эстетика), открытое окно на втором этаже (не боятся сквозняков, люди свободные).

Когда Ксенофонт нажал на звонок, Августюша невольно задержала дыхание.

Дверь открылась почти мгновенно, будто за ней ждали. И на пороге возник он — Фёдор.

Высокий, с чуть растрёпанными тёмными волосами и лицом, которое, казалось, не умело складываться в напряжённую или неискреннюю улыбку. Улыбка была именно мягкой, открытой, с лучиками морщинок у глаз.

— Ну вот и наши «почти-что: наполовину» тезки! Проходите, проходите, не стесняйтесь, — его голос был тёплым и глуховатым, как звук хорошего виолончельного пиццикато.

И за его спиной, в проёме двери, появилась она. Августа. И у Августюши на секунду перехватило дыхание.

Это была она. Точнее, это был её странный, параллельный вариант.

Та же стрижка каре до плеч, с аккуратным загибом внутрь. Такие же круглые очки в тонкой металлической оправе. Даже манера стоять — чуть отклонив голову, будто внимательно изучая объект. Но главное — не детали. Главное — **качество взгляда**. Взгляд был оценивающим, интеллигентным, чуть отстранённым, но без холодка. Взгляд учителя, привыкшего за первые секунды считывать суть.

— Здравствуйте, я Августа! — сказала она, и в её голосе Августюша услышала знакомые интонации — чёткие, пе-

дагогические, с лёгкой певучестью на концах фраз. Именно так она сама разговаривала, когда объясняла что-то своим милым студентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.